

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

«ЕСТЬ СИЛА БЛАГОДАТНАЯ В СОЗВУЧЬИ СЛОВ ЖИВЫХ...»

СИЛА ДОКУМЕНТАЛИЗМА И ЖИЗНЬ МИФОВ

Галинская Ирина. Документальная проза Нормана Мейлера и магический мир романов Джоан Роулинг. М., 2013. 224 с. (тираж 2000 экз.).

Анализ литературных произведений – отечественных и зарубежных – вечная тема филологических исследований. В потоке книжных публикаций выбраны два издания, которые, на наш взгляд, позволяют проследить особенности современного понимания предназначения литературы невысокого художественного уровня. Первая часть монографии посвящена документальной прозе американского писателя Н. Мейлера. Его книги затронули самый чувствительный нерв современной художественной жизни Запада.

Монография И.Л. Галинской – исследование двух противоположных полюсов современной литературы на английском языке. Во-первых, это высокий жанр документальной прозы, изучающей исторические события и явления общественной жизни. Во-вторых, это низкий жанр «массовой беллетристики», то есть прозаические произведения.

Известный американский писатель Норман Кингсли Мейлер (1923-2007) – автор более тридцати романов на политические, культурные, публицистические темы и произведений документального характера. Ему принадлежит во многом автобиографический роман о Второй мировой войне «Нагие и мертвые». После появления этого произведения в 1948 г. он более шести десятилетий постоянно присутствовал в пространстве американской литературы.

В исследовании дается краткий очерк жизни и творчества писателя. Этот литератор сразу же занял законное место в перечне американских писателей после издания его романа «Нагие и мертвые». Критики писали о нем не только как об авторе худо-

жественных произведений. Жизнь этого человека в известной мере авантюрна. Он был женат шесть раз, прошёл через череду разводов, обрёл друзей и нажил врагов. Но Норман Мейлер интересует И.Л. Галинскую прежде всего как политик и философ. И в той, и другой области он обозначил себя достаточно рельефно и впечатляюще.

Первая часть исследования посвящена документальной прозе Нормана Мейлера. Здесь рассказано о «военных романистах», группе американских писателей второй половины 1940-х – начала 50-х годов минувшего века. Они участвовали во Второй мировой войне и были верны традициям реалистического письма С. Льюиса, Э. Хемингуэя, Дж. Стейнбека, Дж. Дос Пассоса, У. Фолкнера. Стиль «военных романистов», несмотря на следование реализму, не был свободен и от натурализма. Понятное дело, война мало походила на буколическую. Роман «Нагие и мертвые», написанный 25-летним писателем, радикально отличался от многих стереотипных американских боевиков на военную тему. Любопытно, что сам писатель называл свой роман «притчей об эволюции человека в истории».

И.Л. Галинская, погружаясь в фабулу романа и его суть, отмечает, что Н. Мейлер, сопоставляя два слова в названии произведения, в первом из них имел в виду акцент на значении «нищие». Речь, стало быть, идёт о неимущих, обездоленных, но и о тех, кого уже нет в живых. Нелишне упомянуть, что по роману «Нагие и мертвые» был снят фильм.

В сборнике «Самореклама» были размещены рассказы, повести, сцены из пьес, стихи, интервью. В оценке автора монографии документальная проза сборника представляет собой социологический, политический и литературоведческий анализ различных аспектов американской жизни.

«Президентские записки» (1964), по свидетельству газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» – это дерзкий, непочтительный анализ американской жизни

60-х годов XX века, произведенный самым несдержанным социальным критиком, это громоподобный обвинительный акт. Собранные в книге эссе и интервью, несколько стихотворений и открытых писем, обширный отрывок из неопубликованного философского диалога, отрывки из журнальных статей писателя, словом, большинство из публикаций, адресованы президенту Кеннеди. Диагноз писателя безотраден: он уверен, что президент не располагает информацией и испытывает дефицит интеллектуальной осведомленности.

Заслуживает интереса представленная в монографии одиннадцатая «Президентская записка» посвящена экзистенциальной этике. Н. Мейлер предлагает философское понятие, которое он называет «бытие и душа». Он решительно выступает против отчуждения от собственной души. Не оставляет он надежды и в трактовке смерти. Уходя из жизни, человек не погружается в Вечность, а исчезает в небытии. Столь жёсткая трактовка конечности человеческого существования тем не менее находится в согласии с экзистенциальной этикой, которая не оставляет места для оптимизма и дает трезвую диагностику человеческой жизни в ее протяженности от небытия к небытию.

В последнем открытом письме президенту Мейлер итожит свои размышления об экзистенциальной политике. Он напутствует главу государства, которому, как полагает писатель, приходится иметь дело с драматургией психической жизни страны, со сложным замесом человеческого и бесчеловечного.

Сборник 1966 г. поражает хлестким названием – «Каннибалы и христиане». Здесь размещены статьи, доклады, комментарии, стихотворения, рецензии, которые были написаны и опубликованы Н. Мейлером в различных американских изданиях с 1960 по 1966 г. По свидетельству писателя, в современном мире господствует логика войны. Она то и порождает два типа людей – каннибалов и христиан. Первые полагают, что мир можно спасти, убивая все, что не заслуживает признания. Христиане, напротив, исходят из постулата, что нет ничего ценнее человеческой жизни. Писатель при этом не чужд и апокалиптических прогнозов относительно будущего земной цивилизации.

В наши дни немалую актуальность и имеет отношение писателя к «новому журнализму», вообще к журналистике как общественному феномену. Документальная проза о марше американцев на Пентагон в октябре 1967 г. названа Н. Мейлером «Армия ночи». История как роман, роман как история». Этот

марш был направлен против войны во Вьетнаме. Американские литературные критики признавали, что в этом произведении он проявил силу воображения, блестящий дар наблюдательности, несомненную честность, беспристрастную интеллигентность и трогательную заботу о простом американце. «Новый журнализм» – это вовсе не художественная проза, ему присущи элементы репортажа, включая строгую приверженность к точности фактов.

И.Л. Галинская рассказывает о том, что до появления телевидения американские партийные съезды представляли собой реальную арену внутрипартийных дебатов. Свою книгу «Святой Георг и Крестный отец» Мейлер заканчивает отрицательной характеристикой съезда Республиканской партии 1972 г. и самого Ричарда Никсона.

Значительный интерес в первой части монографии представляет характеристика отношений Н. Мейлера с писателями-экзистенциалистами. Близость писателя к экзистенциализму связана не только с его оценками «философии существования», и интеллектуальным родством с этим философским направлением. Он полагал, что философия существования всегда оставалась единственной мировоззренческой базой всех его произведений: художественных, документальных, публицистических. Писателю близки такие проблемы, как «свобода выбора», «отчуждение», «преступление без наказания», «войны между бытием и небытием», «борьбы без обречённости на успех». Близость писателю к экзистенциальному мышлению подтверждается его собственным представлением о том, что бытие не поддается рациональному познанию, страх определяет экзистенцию и выражает антропологическую особенность человека. Писатель также изображает «пограничные ситуации», то есть состояния страдания, борьбы и смерти как основы и сути человеческого существования.

Наряду с другими американскими писателями-экзистенциалистами, Н. Мейлер видел личную свободу человека в индивидуальном бунте против всяких условностей. Они не боялись смотреть в лицо смерти – тому крайнему пределу, который поставлен всякому человеческому существованию. Подтверждением этому может служить хотя бы история Гэри Гилмора, убийцы, который был казнён в 1977 г. Роман «Песнь палача» основан на многочисленных документах и отчетах о судебных слушаниях и на других оригинальных материалах, полученных им в результате поездок в американские штаты Юта и Орегон, где происходили описы-

ваемые в романе события. Роман, по свидетельству критиков, вызывал ассоциацию с полосующей саблей, которая оставляет открытую рану.

Рассказ о книге «Евангелие от Сына Божия» И.Л. Галинская предваряет анализом множества различных источников, поскольку изучение новозаветной письменности давно уже стало целой наукой. Автор исследования подчеркивает, что Н. Мейлер на удивление точно придерживается канона. Но, разумеется, есть и такие детали в романе, которые порождены его собственной творческой фантазией. По мнению издательства «Рэндом Хаус» эту книгу можно назвать смелой, глубокой, поэтической, трагической, страстной и одновременно тревожной.

Но анализируются в монографии и не евангельские истории. Так, роман Н. Мейлера «Замок в лесу» представляет собой рассказанную от лица дьявола историю жизни Адольфа Гитлера. Данное художественное произведение не является вымыслом от начала до конца. Оно основано на исторических событиях. Сам автор старается провести демаркацию между подлинными фактами и возможностями вымысла. По сути дела автор романа обращается к феноменологии зла.

Отметим, что монография И.Л. Галинской обладает строгой выверенностью, чёткостью научного замысла. Сквозь множество подробностей пробивается обобщающая исследовательская мысль. Опираясь на мнение американских критиков и писателей, исследовательница оставляет за собой окончательные оценки. Она отмечает, что книги Н. Мейлера затронули самый чувствительный нерв современной духовной жизни Запада. Касаясь же экзистенциалистской приверженности писателя, И.Л. Галинская показывает, что он постигал то, чего никогда бы не мог увидеть, если бы стоял в стороне от мучительных исторических событий, породивших, в частности, и это философское направление. Академизм монографии обнаруживается и в том, что первая часть книги сопровождается списком трудов Н. Мейлера, изданных в России в нынешнем веке. В издании содержится избранная библиография, которая сама по себе свидетельствует о напряженном и разностороннем труде исследовательницы.

Вторая часть книги называется «Исторические и литературные источники романов о Гарри Поттере». Она посвящена семитомной эпопее английской писательницы Джоан Кетлин Роулинг (р. 1965) о мальчике Гарри Поттере. Во введении ко второй части монографии излагается биография этой женщины. Отмечается, что сразу после выхода первого

тома «поттерианы» читатели разделились на два лагеря – сторонников и противников Гарри Поттера. Столь же полярными оказались и мнения литературных критиков. Сообщается, что нынче в мире публикуются многочисленные «справочники» и «путеводители» по «волшебным мирам Гарри Поттера». Далеко не все среди нас – волшебники. Есть и «маглы», обычные люди. Их нетрудно обвести вокруг пальца, одурачить.

Писательница употребляет слово «магл» в различных контекстах. Маглы Вернон и Петунья Дурсли – грубые, жестокие и некультурные родственники Гарри Поттера, но маглы – это и родители Гермионы Грэйнджер, которые воспитали в ней трудолюбие, настойчивость, любовь к учёбе, нравственную зрелость. В монографии отмечается, что в поттеровской эпопее, кроме маглов и волшебников, есть еще весьма своеобразные персонажи – сквибы. Писательница имеет в виду носителей незначительности, ничтожности. Сквиб – это отпрыск семьи волшебников, который не обладает никакими магическими силами.

И.Л. Галинская подчёркивает, что в романах о Гарри Поттере писательница часто использует магические формулы и заклинания. Магические силы присутствуют в произведениях повсеместно. Важно провести различие между словами «заклинание» и «чары». Вас это интересует? Так вот заклинание, или чародейство – это общий термин для магической формулы. Чары слегка отличаются от заклинания, но имеют дополнительные качества. Что касается проклятий, то они относятся к вреднейшим видам чёрной магии. Вполне безвредных заклинаний в романах Роулинг довольно много, и они часто повторяются.

Всего в «поттериане» насчитывается несколько сотен случаев употребления магических формул, заклинаний и проклятий. Многие из них повторяются неоднократно, но проклятие «Avada Kedavra» недаром соотносится с английским словом «cadaver» – «труп». Количество магических формул и заклинаний в эпопее о Гарри Поттере увеличивается от тома к тому. Здесь самое время приступить к анализу этики магии. В современной философской литературе часто повторяется мечта о том, что человек может избежать страданий и болезней. Особенно часто эксплуатируется этот мотив в трансгуманизме¹.

¹ См., к примеру: «Глобальное будущее 2045». Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. М., 2014.

В связи с этой темой Роулинг ссылается на диалог Платона «Горгий». В этом произведении Сократ противопоставляет жизнь, посвященную избежанию страданий и смерти, жизни, посвященной избежанию несправедливых поступков. Сократ доказывает, что первый путь разрушителен, вредит душе человека и отсекает его от дружбы, так же, как и от свободы.

В романах о Гарри Поттере, по свидетельству И.Л. Галинской, упоминается более сотни волшебных книг. Отмечается, в частности, что в Средние века люди верили, будто дракон, грифон, единорог, феникс и кентавр реально существуют. Есть и сведения о том, что маглы не раз встречали Снежного человека Йети в горах.

И.Л. Галинская сравнивает эпопею о Гарри Поттере с романом Брэма Стокера «Граф Дракула». Властитель Тьмы, страшный чародей, Лорд Вольдеморт – главный отрицательный персонаж эпопеи писательницы Роулинг. В названной статье персонаж «романа ужасов» ирландского писателя Брэма Стокера граф Дракула – это и ученик дьявола и оружие дьявола, а также вампир и антихрист. Рассматривается влияние романа Брэма Стокера на эпопею Джоан К. Роулинг о мальчике Гарри Поттере.

Готовясь к написанию романа, Брэм Стокер восемь лет изучал европейский фольклор и легенды о вампирах. Можно задаться вопросом: откуда берутся кристаллизации сексуальной фантазии? Они, судя по всему, поднимаются из глубин человеческого существа, захваченного страхом перед игрой природных стихий. Именно подавленные, вытесненные страсти рождают персонификации. Добро и зло всегда олицетворены. Исстари было известно, что Богу противостоит Сатана. Образ ведьмы, служительницы Князя тьмы, обладающей сверхъестественными способностями вредить людям и животным, с древних времен жил в народных поверьях. Но он, тем не менее, не воспринимался в повседневности как нечто реальное, оказывающее воздействие на каждодневные поступки.

Почему же до средневековья образ ведьмы был столь размытым и совершенно неочеловеченным? Вероятно, именно в средние века в полной мере была осознана связь между нею как персонажем устных преданий и испуганными сексуальными чувствами, которые преодолевают обыкновенного человека. Впервые теологов средних веков пронзила мысль о том, что ведьма обретает колоссальную мощь благодаря половому акту с дьяволом. Иначе почему столь могущественны ее чары?

Так в образе ведьмы персонифицировались бессознательные страхи перед женщиной, перед теми соблазнами и искушениями, которые она несет. Ужас проецировался на сатанинское создание. Если мужчина, одолеваемый желанием, обнаруживал вдруг половое бессилие, никто и помыслить не мог, что это не проделки дьявола и его подруги. Это она, злобная колдунья, напустила порчу. Она, злоумышленница, украдала страсть, чтобы воспользоваться ею в собственных целях. Она, искусительница, вызвала животный порыв, чтобы поиздеваться над человеком. А возмездие? Ясное дело – казнь без промедления...

На обезумевшее человечество обрушивается поток рассказов о небывалых проделках ведьмы. Ее замысли изощренны. Вот она лепит из глины фигурки людей, на которых насылает хворь. Вот заставляет человека вождеть животное. Вот искушает праведников срамными видениями. Наконец, сама принимает человеческий облик и вступает в соитие².

Лорд Вольдеморт в эпопее Джоан Роулинг о Гарри Поттере – это убийца, который является могучим и ужасным волшебником, сладострастником, который стремится добиться беспредельной власти над миром путем убийств и обманов. И.Л. Галинская прослеживает связи и аналогии, которые обнаруживаются между эпопеей Роулинг и романом Брэма Стокера.

Вероятно, может возникнуть вопрос: чем такой глубинный интерес к романам Роулинг? Понятное дело, что эта писательница, несмотря на ее огромную популярность и американский писатель Н. Мейлер – несопоставимые фигуры. Судя по всему, исследовательница проявляет особый интерес к мифологии. С ней, как известно, генетически тесно связана литература. Нет оснований сомневаться в том, что изучение мотивов мифологии в литературе, в частности, сводится к выявлению в литературных текстах определенных мифологических имён и образов. Мифологические модели и мотивы прослеживаются в романах Ч. Диккенса, Э. Золя, Т. Манна. Вообще минувший век продемонстрировал «ренессанс мифа». Он особенно активно обнаружил себя в ирландской литературе и у авторов латиноамериканских романов.

В начале романа «Гарри Поттер и Тайная комната» перед мальчиком возникает маленькое соз-

² Эрос: Антология: Философские маргиналии проф. П.С. Гуревича. М., 2014.

дание с огромными зелёными глазами и ушами, как у летучей мыши. Это – домашний эльф. *Эльфы* – в тевтонской традиции эльфы ухаживают за смертными женщинами, соблазняют их, а иногда, если женщина не поддается на ухаживания, становятся насильниками и похитителями детей. Эльфы – потомки союзов демонов со смертными, и период беременности ими может быть от месяца до года. Они могут рождаться поодиночке, как близнецы или целым пометом. Они склонны к проказам любого рода и часто помогают своим матерям-ведьмам причинять вред их соперницам.

И.Л. Галинская показывает, что в современном литературоведении процесс создания художественного произведения называют генезисом текста, то есть творческой историей текста. Критики, которые пишут о романах Джоан Роулинг про Гарри Поттера, согласны с тем, что это романы воспитания. Такой жанр был декларирован эпохой Просвещения, а его классический образец – трилогия И.В. Гёте о Вильгельме Майстере. К жанру романа воспитания относятся и романы Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», «Жизнь и приключения Николаса Никлби», «Дэвид Копперфильд». По мнению критиков, тема «поттерианы» у Роулинг – школьные будни, а жанр – роман воспитания. Сюжеты становления человека обладают сложным авантюрным и сказочным сюжетом.

И.Л. Галинская показывает, что в России зарубежная «поттеромания» вызвала неоднозначные оценки: от восторженного восприятия до «поттеробии». Автор монографии оценивает и роман «Гарри Поттер и дары смерти». Она характеризует ее как весьма мрачную книгу, которая показывает вступление юного героя в пору сложностей и печалей совершеннолетия.

ЗЕМЛЯ ВЕЛИКА И ПРЕКРАСНА

Мильдон Валерий. Вся Россия – наш сад. Русская литература как одна книга. М., 2013. 496 с. (тираж 2000 экз.).

Валерий Ильич Мильдон – выдающийся отечественный филолог. Его работы имеют огромную популярность. Им присуща энциклопедичность, глубина замыслов и занимательное их воплощение. В данной книге – герои разных произведений, созданных в течение XVIII–XXI вв., представлены в книге героями одного, именуемого «русская литература». Впервые такое чтение предпринято автором,

как сообщается в аннотации, в работе «Вершины русской драмы» в МГУ в 2002 г. Теперь он применил его не только к драме, но к прозе и лирике. На самом деле, такой метод позволяет обнаружить в разных произведениях нечто общее (не предусмотренное каждым автором) и устойчивое (не зависимое от конкретных исторических обстоятельств). Отсюда следует, разъясняет свой замысел автор, почему наша литература стала (и по сей день остается) явлением общеевропейской и мировой культуры: изображая русского человека с полнотой, не потерявшей содержания до сих пор, она представила и полноту человеческого как такового, не зависящего от национальной принадлежности и в такой степени не получившего выражения в национальных культурах Западной Европы – английской, итальянской, немецкой, французской. Их опыт использован в монографии, чтобы в сравнении с ним найти аргументы, свидетельствующие о своеобразии русской литературы.

В.И. Мильдон приводит суждение Аристотеля, который, сравнивая историю и поэзию, писал: «... Можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей как с метром, так и без метра; но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история – о единичном»³. Исходя из данного суждения, автор полагает, что русская литература может оказаться и пророчеством, и предостережением. Он ссылается на В.Г. Белинского, который, как выясняется, также задумывался над фигурой некоего собирательного героя литературы, черты которого рассеяны по многим произведениям.

Автор подмечает, таким образом, что прием, который он использует, – нередкое явление в нашей литературной практике. В.И. Мильдон начинает анализ литературы с XIX в. Именно с этой времени, как он полагает, наша словесность явилась как литература в подлинном смысле этого слова – как явление художественного творчества. До тех пор надежнее говорить о художественных приемах внутри учительной, проповеднической, идеологической словесности, которая черпала средства извне. Свои художественные средства еще предстояло выработать.

³ Аристотель. Об искусстве поэзии. М.: ГИХЛ, 1957. С. 67–68.

Характеризуя умственную и психологическую базу, которая была присуща русской культуре, В.И. Мильдон доказательно заявляет, что тем удивительнее появление русской литературы. Автор показывает, как Л.Н. Толстой естественно и незаметно для себя перешёл к философии к проповедничеству и философии. Таким путем шёл и Гоголь. Но не создал такой разработанной логической системы. Автор монографии размышляет о традиции самовоспитания, которая присуща культуре западноевропейского человека. Традиция эта находится в самой тесной связи с осознанием своего индивидуального существования. Западная церковь предлагала мужчинам и женщинам воздержание от близости в периоды, определяемые женской физиологией.

«У равновесия души, о чем писали европейские умы, – пишет В.И. Мильдон, – долгая история, вольно или невольно определявшая и взгляды самого Данте на человека, на его внутреннюю жизнь. За тысячу с лишним лет до поэта об этом писал Цицерон в сочинении «О судьбе» (с.45). Автор в своем изложении ссылается на различные философские и художественные тексты, он легко переходит от жанра к жанру, чтобы обрести совпадения, аналогии, мерцающие смыслы. Вот цитируется Лейбниц, который полагал, что люди очень часто нуждаются в особом, приставленном к ним человеке... Однако, по мнению Мильдона, если брать западного человека в массе, то он не соответствует характеристике Лейбница, но как раз поэтому, и не в последнюю очередь поэтому, на Западе созданы юридические, административные и социальные структуры, исполняющие роль «приставленного человека», который призывает исполнять свой долг. Эти элементы управления давно вошли в быт и историческую практику европейского человечества. Не таков, по мнению автора монографии, удел персонажей русской литературы.

Можно ли изменить мир? Ф.М. Достоевский избавился от этой страшной мечты. Пожалуй, так же мыслил и Лейбниц, который считал безумием судить о неблагополучии мира. Мания величия обнаруживает себя в стремлении разгадать Божий замысел. «Подобная болезненная психология свойственна большинству социальных реформаторов; они, замечу попутно, все как один лишены художественного чутья, фатально не способны ни тем более создавать произведения искусства. Их оценки в этой области отличаются узостью и отсутствием воображения, и едва ли не все они как один мещане по структуре душ и сознания. Будь иначе, они ни-

когда не взялись бы переустраивать мир, для этого нужно быть невысокого мнения о нём, и о человеке и одновременно высоко ценит рациональные способности, прежде всего собственные. Когда и где ни жили такие люди, их деятельность не приносит другим ничего, кроме несчастья, ибо они отводят разуму роль не силам» (с.50).

Да, социальные реформаторы – палачи мира. большая часть социальных иллюзий, накопленных человечеством, касалась идеального социального устройства. Странники другой, условно говоря, гуманистической парадигмы, критиковали тиранические социумы, сатирически изобличали их порядки. Однако о том, как реализовать человеческий потенциал, фантазий было гораздо меньше. Пожалуй, только в прошлом столетии в работах Николая Бердяева была четко обозначена мысль о том, что личность важнее социума, что именно личности, зачастую неприметным, окольным путем своей креативной мощью выстраивают историю.

И об этом прекрасно сказано в монографии: «Германская мысль давно осознала: чтобы постичь неясное и непознанное, должно избегать вмешательства в миропорядок, каким бы дурным он ни казался (разумеется, не идут в счет все формы сопротивления насилию, от кого бы то ни исходило). Только система ограничений всех видов переустройства (социального реформаторства) благоприятствует развитию индивидуальности – единственной, вследствие ее краткости с бесконечностью универсума, ценности бытия» (с.52).

Представляется целесообразным оценить прогностическую мощь этих утопических проектов, указавшим человечеству на опасность тотального контроля над человеческим поведением, ущемления свободы, недооценки грозных обнаружений человеческой природы, бездуховность и социальный диктат. Итак, социальная иллюзия играет в истории огромную роль. По сути дела, постижение тайн общественной жизни, закономерностей социальной динамики есть летопись различных иллюзий, с помощью которых человечество продвигалось к более глубокому пониманию хода исторических событий. Порой эти иллюзии уводили общественную мысль в сторону от реальности, создавали фантастические грезы. Николай Бердяев предупреждал, что утопии страшны именно фактом своей реализации. Он отмечал, что всякая попытка создать рай на Земле есть ад. В то же время они содействовали пробуждению более зрелого философско-исторического сознания.

Так в монографии В.И. Мильдона возникает тема социальной революции. Многим философам она казалась выражением исторической справедливости, попыткой «выпрямить историю». Однако революция как таковая не имеет будущности. Опыт минувшего столетия подтвердил суждения русского философа. Однако и в новом столетии многие народы грезят о революционном переустройстве общества, словно история не учит ничему.

Революция и социальные движения общественная мысль Европы оценивала по меркам разума, а не чувств, поскольку подвергала критике «чрезмерную чувствительность». После работы Р. Декарта в западноевропейской антропологии возникло такое подразделение, как «эстеziология духа» – «критика чувств»⁴. Душевная и духовная природа человека – это не одно и то же. Эти компоненты взаимодействуют в человека как нерасторжимые, но не слитные.

Приметно замечание В.И. Мильдона о том, что классика многими и многими читалась и читается до сих пор как своего рода наставление в жизни, почти как религиозный текст. Русская литература, несмотря на всего один только век ее существования, – поднялась до явления совершенно универсального, не уступающего, по словам В.В. Розанова, в красоте и достоинствах своих ни которой нации... Действительно, за несколько десятилетий наша литература становится неотъемлемым фактом духовной жизни Европы.

Значительное место в монографии занимают смысложизненные проблемы. Пушкин имел право задаться вопросом «Кто меня жестокой властью из ничтожества воззвал?» В.И. Мильдон показывает, что новую психологию нового западноевропейского человека воплотили два современника – Шекспир и Сервантес. Гамлет и Дон Кихот выразили дух Нового времени. «В основе поведения каждого лежит и по сей день изумляющая сила индивидуального воления, не отступающего ни перед какими внешними обстоятельствами и послушная только себе» (с.127-128). Представление о самооценности индивидуального существования для самого Пушкина станет неизменной истиной, и он первый в нашей литературе выразил с такой полнотой.

Изложение материала в монографии во многом причудливо. Автор сопоставляет суждения разных литературных героев, находит переключку состо-

яний в поэтической строке или философском размышлении. К. Ясперс писал о том, что не существует правильного мироустройства. Справедливость остается задачей, не имеющей окончательного решения. В.И. Мильдон полагает, что такого же рода слова произносит Гринёв из «Капитанской дочки». Казалось бы, что удивительного в таком единомыслии. Но ведь тема справедливости возникает в контексте обычной жизни и здесь же она находит «примирительное» решение. Но автор монографии увлечён не коллажем мыслей. Он стремится раскрыть мировоззренческое содержание русской литературы. Он пишет: «Всякий, кто интересовался временем конца XIX и начала XX века знает, что можно заполнить не один десяток страниц похожими признаниями. Их авторы, насколько это ясно в наши дни, при безусловной справедливости общего ощущения идущих перемен, во многих случаях либо не предвидели их содержания, либо попросту ошибались. Н.А. Бердяев оказался проницательнее, утверждая, что новизна не нова, но лишь «закат, сумерки, конец старого дня» (с.236).

Связав с Декартом сопротивление «чрезмерной чувствительности», В.И. Мильдон в последних разделах монографии много внимания уделяет состояниям человеческой души. Он обращается к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и показывает, что антропологическая модель этого произведения стала образцом для советских писателей. Персонажи Чернышевского рассматривают эмоциональные состояния вторичными по сравнению с разумом. Их и следует контролировать главным достоянием человека. Следовательно, нужно отказаться от архаических, доразумных обычаев, вызванных ими настроений в психологии. Жизнь сердца должна быть свободной – таково требование разума. По мнению исследователя, конкретная психология, эти социальные и политические условия, которые метафорически названы «советской властью», имеют давние традиции в отечественной истории. Писатели XIX-XX веков изобразили неизменной психологию «незрелости народа».

В.И. Мильдон пишет: «Совсем не случайно, что своему главному труду – «Воле к власти» – Ф. Ницше собирался дать подзаголовок «Опыт переоценки всех ценностей». Из этого следует: отрицанием предполагается, что отрицаемое не разрушают; от него лишь отказываются, и оно остается в прошлом в качестве материала, на котором учатся и который поэтому не исчезает, как в случае базаровского (русского) нигилизма» (с.374). Автор

⁴ Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М., 2004. С. 49-50, 51.

монографии считает, что ницшеанский нигилизм носит глубоко осознанный антропологический характер, а в русском нигилизме человек есть величина глубоко относительная, попросту не существующая в виде объекта. В.И. Мильдон приходит

к мысли, что и Базаров, и Сальери, несмотря на все различие этих двух фигур, принадлежат к одному художественно антропологическому типу, устойчивому в нашей литературе и в нашей жизни, и в нашем сознании.

Список литературы:

1. Великовский С.И. В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции. СПб., 2012.
2. Галинская Ирина. Документальная проза Нормана Мейлера и магический мир романов Джоан Роулинг. М., 2013.
3. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. М., 2012.
4. Кондаков И.В. Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме. М., 2011.
5. Котляревский Н.А. Лермонтов М. Личность поэта и его произведения. М., 2012.
6. Мильдон В.И. Вся Россия – наш сад. Русская литература как одна книга. М., 2013.
7. Спирина Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012

References (transliterated):

1. Velikovskii S.I. V poiskakh utrachenogo smysla. Ocherki literatury tragicheskogo gumanizma vo Frantsii. SPb., 2012.
2. Galinskaya Irina. Dokumental'naya proza Normana Meilera i magicheskii mir romanov Dzhoan Rouling. M., 2013.
3. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2012.
4. Kondakov I.V. Vmesto Pushkina. Etyudy o russkom postmodernizme. M., 2011.
5. Kotlyarevskii N.A. Lermontov M. Lichnost' poeta i ego proizvedeniya. M., 2012.
6. Mil'don V.I. Vsy Rossiya – nash sad. Russkaya literatura kak odna kniga. M., 2013.
7. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M., 2012